

**ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ВОПРОСЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР/РОССИИ
В XX-XXI ВВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ**

**NATURAL RESOURCES AND ISSUES OF NATURE
MANAGEMENT IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE
NORTHERN AND EASTERN TERRITORIES OF THE USSR/RUSSIA
IN THE XX-XXI CENTURIES: INTERNATIONAL PERSPECTIVE**

DOI 10.69571/SSPU.2024.93.6.019

УДК 504.062:94(571.6)»1925/1935»

ББК 63.3(255) 6-6

А.В. ФИЛИНОВ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ
РЕСУРСОВ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА В ОТНОШЕНИЯХ СССР И ЯПОНИИ
В 1925–1935 ГГ.

A.V. FILINOV THE PROBLEMS OF PRESERVATION
AND USE OF NATURAL RESOURCES
OF THE SOVIET FAR EAST IN RELATIONS
BETWEEN THE USSR AND JAPAN IN 1925–1935

Статья посвящена не рассмотренному ранее в историографии комплексно вопросу сохранения и использования природных ресурсов (в первую очередь, лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в контексте отношений Советского Союза и Японской империи в 1925–1935 гг. Это, а также использование в качестве источников в том числе неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики (АВП) РФ, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), свидетельствует об актуальности и научной новизне исследования. В исследовании использовались такие методы как описательный, аналитический, формально-логический, сравнительный, историко-архивный.

Целью статьи является анализ особенностей контактов СССР и Японии в рамках проблемы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока (в первую очередь лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в начальный период становления и развития советско-японских отношений и особенно во время их обострения в период маньчжурского кризиса с сентября 1931 по март 1935 гг. Хронологические рамки статьи обусловлены с одной стороны заключением в январе 1925 г. Пекинской конвенции и установлением дипломатических отношений между СССР и Японией, а с другой завершением маньчжурского кризиса в связи с продажей (переуступкой прав) КВЖД Советским Союзом Маньчжоу-Го (фактически же Японии) в марте 1935 г.

Делаются выводы в том числе о том, что вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока в рамках отношений СССР и Японии регулировались

в основном концессионными договорами, а также торговыми соглашениями и рыболовными конвенциями; активно использовались обеими сторонами для достижения своих внешнеполитических целей и задач.

The article is devoted to the issue of conservation and use of natural resources (primarily forest, oil, fish, coal) in the context of relations between the Soviet Union and the Japanese Empire in 1925–1935, which has not been previously considered in historiography. This, as well as the use of unpublished materials from the funds of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation, and the Russian State Archive of Social and Political History, as sources, testifies to the relevance and scientific novelty of the study. The study used such methods as descriptive, analytical, formal-logical, comparative, historical-archival. The aim of the article is to analyze the specifics of contacts between the USSR and Japan in the context of the problem of preserving and using the natural resources of the Soviet Far East (primarily forest, oil, fish, and coal) in the initial period of formation and development of Soviet-Japanese relations, and especially during their aggravation during the Manchurian crisis from September 1931 to March 1935. The chronological framework of the article is determined, on the one hand, by the conclusion of the Beijing Convention in January 1925 and the establishment of diplomatic relations between the USSR and Japan, and on the other hand, by the end of the Manchurian crisis in connection with the sale (assignment of rights) of the CER by the Soviet Union to Manchukuo (in fact, to Japan) in March 1935. Conclusions are made, including that the issues of preserving and using the natural resources of the Soviet Far East in the context of relations between the USSR and Japan were regulated mainly by concession agreements, as well as trade agreements and fishing conventions; were actively used by both sides to achieve their foreign policy goals and objectives.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нефтяные ресурсы, угольные ресурсы, лесные ресурсы, рыбные ресурсы, рыболовная конвенция, маньчжурский кризис, иностранные концессии, советско-японские отношения в 1920–1930-е гг.

KEY WORDS: oil resources, coal resources, forest resources, fish resources, fisheries convention, Manchurian crisis, foreign concessions, Soviet-Japanese relations in the 1920s — 1930s.

ВВЕДЕНИЕ. Первым договором, в котором рассматривались вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, являлась советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений (более известная как Пекинский договор), подписанная представителями СССР и Японии в январе 1925 г. [7, с. 70–71]. В данном соглашении стороны в частности договорились пересмотреть российско-японскую рыболовную конвенцию, заключённую в 1907 г.¹ Также советское правительство соглашалось «предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» [7, с. 71].

Конкретизация условий концессионных договоров приводилась в прилагавшемся к Пекинскому соглашению протоколу «Б». В протоколе затрагивался не только вопрос эксплуатации нефтяных и угольных месторождений, отдельно оговаривался вопрос о лесных ресурсах — японским концернам было разрешено рубить деревья, необходимые для нужд предприятий [7, с. 76]. На базе этого протокола в июле и декабре 1925 г. были заключены контракты на предоставление Японии соответственно угольной и нефтяной концессий. По итогам советско-японских переговоров 27 марта 1925 г. была заключена рыболовная конвенция, не менявшая при этом порядка проведения торгов, размеров платежей и налогов [18, с. 156]. Как отмечают исследователи [17, с. 117], на деле же действительное концессионирование

¹ Подробнее о Конвенции см. например: Курмазов А.А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 409.

в рыбопромысловой отрасли стало осуществляться с подписанием Советским Союзом и Японией рыболовной конвенции от 23 января 1928 г. [8, с. 42–47].

ЦЕЛЬ. В существующей на данный момент историографии изучались в основном либо проблемы охраны природных ресурсов Дальнего Востока в дореволюционный период [10], либо в конце XX — начале XXI вв. [4]. Исследования же, относящиеся к рассматриваемому в докладе периоду преимущественно посвящены либо изучению особенностей создания и функционирования иностранных (японских) концессий на советском Дальнем Востоке [14], либо затрагивают вопросы сохранения и использования лишь некоторых видов природных ресурсов, в том числе в контексте советско-японских отношений [16; 25]. Исходя из данной историографической ситуации целями статьи являются анализ подходов к решению проблем сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока (лесных, нефтяных, рыбных, угольных) в начальный период становления и развития отношений Советского Союза и Японии, особенно в период заметного обострения двусторонних отношений — маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.); установление взаимосвязей вопросов сохранения природных ресурсов советского Дальнего Востока с другими проблемами советско-японских отношений в указанный период; введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики (АВП) РФ, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Для достижения этих целей решались такие задачи как анализ документальных материалов и сопоставление их с имеющимися в опубликованных источниках и историографии данными о подготовке к заключению некоторых советско-японских соглашений, касавшихся вопросов сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, позиции высшего советского руководства по этим вопросам

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исходя из обозначенных выше целей и задач, источниковая база доклада представляет собой как материалы, опубликованные в различных тематических сборниках документов, так и неопубликованные архивные документы из фондов Архива внешней политики (фонд М.М. Литвинова), Государственного архива Российской Федерации (фонд ТАСС), Российского государственного архива социально-политической истории (фонд В.М. Молотова). Учитывая поставленные цели и задачи исследования, среди использованных в нём методов необходимо упомянуть описательный, аналитический, сравнительный и формально-логический, использованные в отношении данных, полученных историко-архивным методом.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. После заключения советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. советник полпредства СССР в Токио И.М. Майский сообщал из Токио: «Здесь, по крайней мере, внешне, к нам относятся как к великой державе, и притом, как дружественной великой державе... Общая линия яп[онского] пра[вительства] сейчас такая: всячески подчеркивать и укреплять «дружбу» с нами, но заставить нас возможно дороже платить за эту «дружбу» в порядке уступок экономических...Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, что довольно прочно» [Цит. по: 6, с. 246].

В целом, примерно эту же мысль своего современника и подчинённого неоднократно повторял нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов, называвший отношения с Японией в конце 1920-х гг. «наилучшими добрососедскими» [6, с. 246]. Аналогично он высказался и позднее в своей речи, произнесённой на IV-й сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. Важно учитывать, что эти слова были произнесены уже в период маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.), когда отношения между СССР и Японией уже трудно было назвать безоблачными: «<...> Со времени заключения Пекинского соглашения вплоть до конца 1931 г. между нами и Японией существовали наилучшие добрососедские отношения. Не было никаких конфликтов, никаких крупных недоразумений, а если таковые возникали, то разрешались мирным дипломатическим путём» [15, с. 91].

Какие «недоразумения» мог иметь в виду нарком, и какие из них имели отношение к проблеме сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока? Так, например, в 1931 г. были повышены пошлины на советский лес, осложнены формальности с допуском советских товаров на японский рынок и т.д. [13, с. 101]. При этом вывоз из СССР сырья растительного и животного происхождения (кроме продовольственного) более чем на 90% состоял из лесоматериалов. Одним из основных его потребителей до конца 1920-х гг. была, в том числе Япония (65%) [19, с. 38]. С введением же японским правительством в начале 1930-х гг. ограничений на импорт советского леса его доля неизбежно должна была сократиться².

Особенно острой обстановка в советско-японских экономических отношениях стала весной 1931 г., поскольку в конце 1930 г. была проведена ревизия деятельности Владивостокского отделения японского «Чосен банка» за период с 1 января 1927 по 9 августа 1930 гг. [13, с. 102]. Обследование деятельности банка показало, что банк систематически занимался спекулятивной покупкой-продажей советских червонцев в нарушение действующих официальных курсов». Исходя из этого, Наркомфин СССР в конце 1930 г. закрыл отделение «Чосен банка» во Владивостоке, потребовав возмещения нанесённого ущерба [2, с. 55].

Здесь, однако, стоит заметить, что решение о закрытии банка было принято Политбюро ещё задолго до начала ревизии, в апреле 1929 г. [2, с. 46] (а не в июле 1930 г.), и затем ещё раз подтверждено уже в сентябре 1930 г. [2, с. 54]. Самое любопытное обстоятельство во всей этой истории заключалось в распоряжении советского руководства «считать необходимым поставить судебный процесс как процесс арестованных японских валютчиков, и в процессе суда (если по ходу дела будет установлена виновность отдельных деятелей «Чосен банка») разрешить привлечь банковцев к ответственности» [2, с. 55]. Вероятно, в высших эшелонах власти СССР намеревались организовать нечто вроде показательного процесса, скорее всего, не без цели надавить на Японию, преследуя при этом какие-то свои внешнеполитические (в том числе, возможно, экономические) задачи. Например, пересмотреть вопрос о рыболовстве.

Косвенным доказательством этого может служить заявление заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана японскому послу Хирота Коки во время их встречи 19 декабря 1930 г. Советский дипломат «...указал ему (т.е. Хироте) на неточность в сообщении японского правительства о якобы ведущихся переговорах о «Чосен банке». Никаких переговоров о «Чосен банке» мы не ведем с японским правительством. С японским правительством мы ведем переговоры по рыболовным вопросам и о платежах японских рыбопромышленников» [9, с. 744-750.]. Не исключено, что, таким образом, советское руководство прозрачно намекало японскому МИДу на возможность переговоров о рыбных делах, используя в качестве меры воздействия ликвидацию банка, чтобы сделать оппонентов более сговорчивыми. Окончательно банк был ликвидирован летом 1931 г.

То, что данный вопрос серьёзно волновал высшее руководство СССР, но скорее в контексте, связанном с вопросом сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, подтверждает переписка между его представителями. Буквально за неделю до маньчжурского инцидента (11 сентября 1931 г.) Л.М. Каганович в послании к И.В. Сталину отмечал, что «японцы ответили нам на закрытие Чосен-банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес...» [24, С. 94]. Кроме того, из-за предлагавшихся ответных мер с советской стороны заместитель Сталина по партии выражал обеспокоенность по поводу «серьёзных осложнений в наших отношениях с Японией и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел» [24, с. 94], а вовсе не из-за

² Не имея собственного лесотехнического сырья, Япония могла позволить такую дискриминационную меру в отношении советского экспорта лишь потому, что в те годы обеспечивалась американским лесом. См.: Петров А.М. Внешнеторговые связи СССР со странами Азии (1918-1940 гг.). // Народы Азии и Африки. 1977, № 5. С. 38.

неурегулированности в вопросе о «Чосен-банке». Генсек отреагировал через три дня, лаконично заметив, что «с Японией нужно поосторожнее <...> тактика должна быть погибче, поосмотрительнее» [24, с. 94].

Начиная же с середины сентября 1931 г. отношения между СССР и Японией постепенно стали осложняться. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. на территории Маньчжурии близ г. Мукдена (сейчас Шэньян) произошёл взрыв полотна железной дороги. По наиболее распространённой версии, эта была диверсия, подготовленная и проведённая японскими военными, служившими в Квантунской армии. Целью, очевидно, являлась провокация вооружённого столкновения с китайскими войсками, поскольку последствием стала японское агрессия против Северо-Восточного Китая. Данные события известные как маньчжурский (или мукденский) инцидент, явились началом с одной стороны японо-китайского конфликта, продлившегося до заключения сторонами в мае 1933 г. договора в Тангу. Этот инцидент с другой стороны можно считать и началом маньчжурского кризиса — ситуации, сложившейся вследствие захвата японскими войсками Маньчжурии и их приближения к границам Советского Союза. Важным фактором, влиявшим на роль кризиса во внешнеполитическом положении СССР на Дальнем Востоке, являлась проблема принадлежности Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся на начало кризиса под совместным советско-китайским (преимущественно советским) управлением. Поэтому для СССР верхней границей маньчжурского кризиса может считаться конец марта 1935 г., когда было заключено соглашение о продаже (переуступке прав) на КВЖД формально государству Маньчжоу-Го, фактически находившемуся под полным контролем Японии. Начиная с осени 1931 г. события на северо-востоке Китая, происходившие в непосредственной близости от советского Дальнего Востока, с течением времени всё больше волновали советских лидеров, и главным образом И.В. Сталина. Наиболее заметно озабоченность этими вопросами высшее руководство СССР начало выражать с ноября 1931 г., когда Квантунская армия приблизилась к линии КВЖД, а затем в начале 1932 г. захватила Харбин, считавшийся ключевым центром Маньчжурии и КВЖД.

После перенесения военных действий на линию КВЖД с января 1932 г. работа КВЖД начала ухудшаться. Поток грузов на Владивосток стал быстро и заметно уменьшаться, тогда как поток грузов по Южной линии и Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) принадлежавшей Японии на Дайрен — быстро возрастал. С марта — апреля 1932 г. поток грузов по Восточной линии вовсе прекратился. На падение доходов КВЖД, безусловно, серьёзно влияло и постепенно увеличивавшееся количество нападений хунхузов, бездействие охранных китайских войск, произвол японских военных. Всё это заставляло советское руководство задуматься о возможности переговоров о продаже (переуступке прав) КВЖД. Маньчжурские же (по сути, японские) власти были явно не против как минимум обсудить с СССР подобный вариант, явно рассчитывая, как избавить ЮМЖД от конкурента в перевозках, так и заодно освободиться от советского политического присутствия на северо-востоке Китая. Таким образом, неслучайно, что, начиная с конца зимы — начала весны 1932 г., вероятно есть основания вести отсчёт переговорного процесса между СССР и Маньчжоу-Го, а точнее, на первых этапах, непосредственно между Советским Союзом и Японией. В рамках переговоров можно выделить как неофициальные этапы, так и официальные. В рамках статьи определённый интерес представляют неофициальные, то есть те периоды, когда обсуждение дальнейшей судьбы КВЖД велось между представителями заинтересованных государств (СССР и Японии) без участия в каких-либо конференциях, заседаниях, путём «зондирования почвы» вне официальных дипломатических каналов, либо с помощью бесед и совещаний, о которых широкая общественность никоим образом не оповещалась (например, с помощью прессы), либо когда статус того или иного участника заранее определялся одной из сторон в качестве частного лица. В 1932 г. со стороны СССР их вёл полпред в Токио А.А. Трояновский.

Представителем с японской стороны выступал например промышленник Фудзивара Гиндзи-ро³, который начиная с 13 мая 1932 г. несколько раз беседовал с А.А. Трояновским, и в числе прочих тем обсуждалась также проблема дальнейшей судьбы КВЖД [2, с. 90]. Советский представитель в Токио не только продолжал свои переговоры, но даже проявил определённую инициативу при общении с Фудзиварой, за что вскоре и «поплатился». 23 июня Л.М. Каганович выразил И.В. Сталину своё недовольство активностью советского дипломата: «Трояновский делает глупости. Несмотря на запрещение, он ведёт разговоры с Фудживарой [Фудзиварой] о выкупе японцами КВЖД и об отказе японцев от японских рыболовных прав и т.д.» и предложил наказать его: «думаем послать ему резкую телеграмму, чтобы он прекратил эти разговоры» [24, с. 189]. И.В. Сталин хотя и вступился (в письме, отправленном 26 июня) в главном вопросе за полпреда «осуждать Трояновского за беседу с японцами незачем, так как мы сами поручили ему ведение зондажа на базе известных уступок» [24, с. 193]. Но всё же «демократизм» генсека оказался непродолжительным: «на счёт компенсации за КВЖД рыбой вы правы — мы такого поручения не давали ему и он разводит отсебятину» [24, с. 193]. Результатом этой непродолжительной дискуссии стало постановление Политбюро от 28 июня 1932 г. В нём А.А. Трояновскому поручалось навести японское правительство на мысль придать встречам с Фудзиварой официальный характер, а кроме того, полпреду весьма недвусмысленно рекомендовалось забыть о своих предложениях о возможности компенсации за КВЖД рыбой [2, с. 89].

При этом, несмотря на указание, данное Трояновскому, переговоры по рыболовным вопросам велись, но уже по официальным дипломатическим каналам с обеих сторон. Как уже отмечалось в историографии, рыболовное соглашение с Японией было пересмотрено в 1932 г. в рамках подписанного дополнительного соглашения к конвенции 1928 г. [23, с. 15]. Также следует признать обоснованной точку зрения о том, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «рыболовный» вопрос был наиболее острым в двусторонних отношениях Японии и Советского Союза, и что лишь подписание в августе 1932 г. «Соглашения по рыболовным вопросам» действительно способствовало определённой стабилизации в регионе [3, с. 32].

В целом, однако, фиксировалось ухудшение отношений СССР и Японии, что отразилось, например, в докладе Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Восточносибирского края за 1933 г. Обострение обстановки на советско-маньчжурской границе проявилось и во вторжении японских рыбопромысловых судов в советские территориальные воды и хищническом истреблении морских богатств, попытках порубки леса на советской стороне гражданами сопредельных государств [20, с. 70]. Для наведения порядка в пограничной полосе применялись различные меры. Усиливалась войсковая служба, за участками, богатыми лесом, устанавливалось усиленное наблюдение сторожевых нарядов. В зону территориальных вод Советского Союза стали чаще высылаться пограничные корабли, которые решительно пресекали незаконный лов рыбы. Рациональным средством борьбы с обстрелами советских пограничных нарядов и территории ДВК было срочное информирование об этих фактах Наркомата по иностранным делам [20, с. 70–71].

В том числе под влиянием фактов, подобных вышеприведённым, советским руководством было принято решение о начале уже официальных переговоров с Маньчжоу-Го (по сути же с Японией) о продаже (переуступке прав) КВЖД. С июня 1933 г. переговоры проходили в Токио. Однако многочисленные процедурные заминки, как и серьёзные разногласия относительно условий продажи дороги, а также не прекращавшиеся провокации и происшествия на железнодорожной магистрали способствовали серьёзному затягиванию, и даже несколько раз прерывали переговорный процесс.

³ Вероятно, имеется в виду президент бумагоделательной компании «Одзи сэйси» концерна Мицуи, член совета головной компании «Нисан», впоследствии министр торговли и промышленности в кабинете адмирала Ионаи (Ёнай) Мицумаса (1940 г.), министр без портфеля в кабинете Тодзио Хидэки (1941–1944 гг.), министр вооружений в кабинете Коисо Куниаки (1944–1945 гг.). См.: Савин А. С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 218.

Вполне вероятно, что в том числе с целью затянуть и возможно повлиять на переговоры о КВЖД, после длительных проволочек летом 1934 г. в Москве параллельно начались советско-японские переговоры по рыболовному вопросу. Японцы и ранее всячески старались обойти положения рыболовной конвенции 1928 г., устанавливавшей в целях сохранения рыбных богатств определённые ограничения на хищнический лов рыбы. В данном случае японские дипломаты пытались оспаривать решения советских органов о количестве сдаваемых в аренду рыболовных участков и об их ценах. Японская газета «Асахи» в связи с этим в начале 1935 г. указывала, что «...быстрое развитие за последние годы лова в открытом море, вдоль обоих берегов Камчатки, вызовет большие перемены в дальнейшем развитии всего рыболовства в северных водах» [5, Л. 20]. По мнению газеты, «при пересмотре рыболовной конвенции Япония учтёт быстрое развитие лова в открытом море и поставит вопрос о снижении арендной платы за береговые рыболовные участки» [5, Л. 20].

Посетивший заместителя наркома по иностранным делам Б.С. Стомонякова 11 июня 1934 г. японский посол в СССР Ота Тамэкити пытался навязать советской стороне ряд предварительных условий для начала переговоров, но заместитель М.М. Литвинова решительно отклонил эти домогательства. По мнению японской прессы, подобные действия посла были связаны с тем, что после совещания японских дипломатов с министерством земледелия и рыбопромышленниками, в МИДе «начинает господствовать мнение о необходимости продления нынешней рыболовной конвенции при одновременном заключении дополнительного соглашения по вопросам, возникшим в связи с развитием лова в открытом море» [5, Л. 20].

При этом линия поведения советского руководства в отношении японских концессий в рыбном хозяйстве подвергалась критике не только извне, но и «изнутри». Предложения её корректировке были изложены в докладной записке от 1934 г. инструкторов Дальневосточного крайкома ВКП (б) К. Русского и Д. Кесслера секретарю крайкома В.А. Верному [11, с. 363-364]⁴.

23 марта 1935 г. между СССР и Японией наконец было достигнуто соглашение о продаже (переуступке прав) КВЖД. В тот же день наркомом по иностранным делам М.М. Литвиновым было сделано заявление, в котором с удовлетворением отмечалось завершение переговоров, официально длившихся почти два года. Продажа дороги в свою очередь дала возможность Японии поставить перед СССР другие волновавшие её вопросы, касавшиеся природных ресурсов советского Дальнего Востока. На следующий же день после выступления наркома по иностранным делам, на выступление своего шефа откликнулся тогдашний советский полпред в Токио К.К. Юренев. Неоднократно похвалив выступление наркома [1, Л. 36], полпред кроме того высказывал актуальное суждение относительно того, чтобы «...пойти японцам навстречу в вопросе о лесе и нефти» [1, Л. 40].

М.М. Литвинов явно разделял позицию Юренева, о которой тот, судя по тексту сообщения, уже докладывал ему ранее. Поэтому 25 марта 1935 г. нарком обратился к И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу и Г.К. Орджоникидзе с запиской по вопросу о продаже Японии леса. В своём сообщении глава НКВД косвенно затронул и другие вопросы, кроме «лесного» — «рыбный» и «нефтяной», которые, однако, с его точки зрения, пока не представляли какой-либо проблемы: «...О рыбе речь будет идти о некоторых изменениях рыболовной конвенции. Относительно нефти уже имеется решение о продлении срока квот по бурению на существующей концессии до 37 г., а также об отпуске Японии 100 тыс. тонн нефти» [21, Л. 38]. Что же касается «лесного» вопроса, то, как считал руководитель

⁴ Подробный анализ этой записки см.: Филинов А.В. Взгляды представителей партийных и государственных органов на проблемы социально-экономического развития советского Дальнего Востока в период маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.) // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. С. 510-511.

Наркоминдела, японцы рассчитывали на получение значительных лесных концессий, опираясь на невыполнение Советским Союзом Пекинского соглашения, которое предусматривало для Японии возможность эксплуатировать естественные богатства Дальнего Востока. Литвинов видел решение данной проблемы в действиях на опережение — «...выступить с контрпредложением о заключении соглашения о ходе срочных поставок леса, разработанного нами самими». Тем более, что Япония была остро заинтересована в поставках леса как из-за быстрого истощения этих ресурсов на островах, так и из-за труднодоступности на тот момент данного сырья на территории Маньчжурии [21, Л. 38].

Большинство членов Политбюро согласились с предложением главы НКВД поручить Наркомлесу разобраться в вопросе и предоставить проект предложений на определённое количество леса и определённые сроки его поставок японцам. Однако И.В. Сталин в своей резолюции воспротивился этому. Он полагал, что утечка информации из советских учреждений о разработке «лесной проблемы» даст Японии основание считать, что СССР готов продать империи концессии на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, приведёт к «нажиму» японцев. По мнению генсека, не следовало продавать концессии. Более того — необходимо было не только «по-своему толковать» Пекинский договор, но и изменить его условия после продажи КВЖД [21, Л. 38].

Что характерно, после того, как высказался генсек, В.М. Молотов, например, сразу же изменил первоначальную позицию и поддержал его точку зрения [21, Л. 38]. В связи с этим, вполне закономерно, что впоследствии, в переписке высокопоставленных советских дипломатов (К.К. Юренева, Б.С. Стомонякова, Б.И. Козловского) в период как минимум с мая по июль 1935 г. «лесной вопрос», равно как и «нефтяной» более не встречается, «рыбный» упоминается всего один раз в начале лета 1935 г. [1, Л. 46].

ВЫВОДЫ. На протяжении всего рассматриваемого периода вопрос сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока занимал важное место в отношениях СССР и Японии. Регулирование вопросов, связанных с нефтью и углём, в основном осуществлялось с помощью заключения договоров о создании японских концессий по эксплуатации данных видов минеральных ресурсов. Что же касается рыбных и лесных ресурсов, то режим их эксплуатации определялся преимущественно с помощью различных двусторонних торговых соглашений, рыболовных конвенций. Проблема сохранения и использования всех рассмотренных в статье видов природных ресурсов советского Дальнего Востока постоянно находилась в поле зрения высшего руководства СССР и Японии и использовалась обеими сторонами для достижения своих внешнеполитических целей. Это могли быть цели, стоявшие как на направлениях, зачастую связанных как с экономической деятельностью, так и, например, с вопросами военно-политического характера (ликвидация «Чосен банка», продажа КВЖД). Решающую роль в оценке ситуации и принятии решений по вопросам, связанным с сохранением и использованием природных ресурсов советского Дальнего Востока в отношениях СССР и Японии играл И.В. Сталин. Вопросы сохранения и использования природных ресурсов советского Дальнего Востока, в том числе в исследуемый период, также зачастую являлись своеобразным «барометром», позволявшим более-менее точно установить «температуру» отношений Советского Союза и Японии, как накануне, так и особенно в период маньчжурского кризиса с сентября 1931 по март 1935 гг. На показания этого «барометра» влияли как ситуация на японских концессиях, переговоры о заключении торговых и рыболовных договоров, так и случаи хищнической эксплуатации природных ресурсов, браконьерства, а также принимаемые в связи с этим меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 116.
2. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Сост. Адибеков Г.М., Адибекова Ж.Г., Вада Х. и др. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.

3. Галактионов Е.Н. Проблемы советско-японских отношений в 30-е гг. XX в. и их влияние на обеспечение безопасности Советского Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015, № 2(43). С. 31–36.
4. Гантимуров И.П. Пограничные органы в охране рыбных ресурсов Дальнего Востока на рубеже XX–XXI вв. // Россия и АТР. 2010, № 4(70). С. 97–107.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 73.
6. Дацышен В.Г. Японский труд в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России. // Япония 2013. Ежегодник. М.: «АИРО — XXI», 2013. С. 237–249.
7. Документы внешней политики СССР Р. Т. 8 (1925 г.). М.: Политическая литература, 1963. 865 с.
8. Документы внешней политики СССР Р. Т. 11 (1928 г.). М.: Политическая литература, 1966. 792 с.
9. Документы внешней политики СССР Р. Т. 13. (1930 г.). М.: Политическая литература, 1967. 883 с.
10. Иванов А.А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) // Научный диалог. 2019, № 2. С. 219–236.
11. Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы. Т. 1 / Росархив, ГА РФ, РГАЭ; под ред. М.М. Загорюлько, А.Х. Абашидзе; отв. сост. А.П. Вихрян. М.: Современная экономика и право, 2003. 391 с.
12. Курмазов А.А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 408–428.
13. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962. 560 с.
14. Левина А.Ю. История становления и развития японской нефтяной концессии на Северном Сахалине (1925–1944 гг.) // История и культура традиционной Японии 8. СПб: Гиперион, 2015. С. 403–409.
15. Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927–1937 гг. М.: Соцэкгиз, 1937. 432 с.
16. Маклюков А.В. Изучение водно-энергетических ресурсов России в годы индустриализации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017, № 2(40). С. 52–59.
17. Маковский А.В. Проблемы организации советского контроля японских рыболовных промыслов (конец 20-х — 30-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 116–120.
18. Марьясова Н.В. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции. Владивосток, 1997. С. 152–159.
19. Петров А.М. Внешнеторговые связи СССР со странами Азии (1918–1940 гг.) // Народы Азии и Африки. 1977, № 5. С. 30–45.
20. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальневост. изд-во, 1990. 607 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1383.
22. Савин А.С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны. М.: Наука, 1979. 239 с.
23. СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений. / Отв. ред. Ю.С. Столяров, Я.А. Певзнер. М.: Международные отношения, 1984. 240 с.
24. Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У., Кошелева Л.П. и др. М.: РОССПЭН, 2001. 797 с.
25. Судзуки А. Японо-российские и японо-советские отношения в области рыболовства в период до Второй мировой войны // Материалы международной научной конференции. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1997. С. 159–165.
26. Филинов А.В. Взгляды представителей партийных и государственных органов на проблемы социально-экономического развития советского Дальнего Востока в период маньчжурского кри-

зиса (сентябрь 1931 — март 1935 гг.) // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. С. 507–512.

REFERENCES:

1. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* (AVP RF). [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation] F. 05. Op. 15. P. 112. D. 116. (In Russian).
2. *VKP (b), Komintern i Japonija. 1917–1941 gg.* [The All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and Japan 1917–1941] / Sost. Adibekov G.M., Adibekova Zh.G., Vada H. i dr. M.: ROSSPJeN, 2001. 808 s. (In Russian).
3. Galaktionov E.N. *Problemy sovetsko-japonskih otnoshenij v 30-e gg. XX v. i ih vlijanie na obespechenie bezopasnosti Sovetskogo Dal'nego Vostoka* [Problems of Soviet-Japanese relations in the 1930s and their impact on ensuring security in the Soviet Far East] // *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2015, № 2(43). S. 31–36. (In Russian).
4. Gantimurov I.P. *Pogranichnye organy v ohrane rybnih resursov Dal'nego Vostoka na rubezhe XX–XXI vv.* [Border authorities in the protection of fish resources of the Far East at the turn of the 20th–21st centuries] // *Rossija i ATR*. 2010, № 4(70). S. 97–107. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GA RF). [State Archives of the Russian Federation] F. R4459. Op. 28. D. 73. (In Russian).
6. Dacyshen V.G. *Japonskij trud v rybnoj promyshlennosti na Dal'nem Vostoke Rossii*. [Japanese Labor in the Fishing Industry in the Russian Far East]. // *Japonija* 2013. Ezhegodnik. M.: «AIRO — HHI», 2013. S. 237–249. (In Russian).
7. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 8 (1925 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 8. 1925]. M.: Politicheskaja literatura, 1963. 865 s. (In Russian).
8. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 11 (1928 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 11. 1928]. M.: Politicheskaja literatura, 1966. 792 s. (In Russian).
9. *Dokumenty vneshnej politiki SSS R. T. 13. (1930 g.)*. [Documents of the USSR Foreign Policy. Volume 13. 1930]. M.: Politicheskaja literatura, 1967. 883 s. (In Russian).
10. Ivanov A.A. *Inostrannoe «hishhnichestvo» i ohrana promyslovih resursov na Dal'nem Vostoke Rossii (konec XIX — nachalo XX vv.)*. [Foreign "predation" and protection of commercial resources in the Russian Far East (late 19th — early 20th centuries)]. // *Nauchnyj dialog*. 2019, № 2. S. 219–236. (In Russian).
11. *Inostrannye koncessii v rybnom hozjajstve Rossii i SSSR (1920–1930 gg.): Dokumenty i materialy. T. 1* / Rosarhiv, GA RF, RGAJe; pod red. M.M. Zagorul'ko, A.H. Abashidze; otv. sost. A.P. Vihrgan. [Foreign concessions in the fisheries of Russia and the USSR (1920–1930): Documents and materials. Volume 1]. M.: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2003. 391 s. (In Russian).
12. Kurmazov A.A. *V kakom napravlenii razvivajutsja rossijsko-japonskie rybolovnye otnoshenija?* [In what direction are Russian-Japanese fishing relations developing?]. // *Trudy VNIRO*. 2010. T. 149. S. 408–428. (In Russian).
13. Kutakov L.N. *Istorija sovetsko-japonskih diplomaticheskij otnoshenij*. [History of Soviet-Japanese diplomatic relations]. M.: Izd-vo IMO, 1962. 560 s. (In Russian).
14. Levina A. Ju. *Istorija stanovlenija i razvitija japonskoj neftjanoj koncessii na Severnom Sahaline (1925–1944 gg.)* [History of the formation and development of the Japanese oil concession in Northern Sakhalin (1925–1944)]. // *Istorija i kul'tura tradicionnoj Japonii* 8. SPb: Giperion, 2015. S. 403–409. (In Russian).
15. Litvinov M.M. *Vneshnjaja politika SSSR. Rechi i zajavlenija. 1927–1937 gg.* [Foreign Policy of the USSR. Speeches and Statements. 1927–1937]. M.: Socjkgiz, 1937. 432 s. (In Russian).
16. Makljukov A.V. *Izuchenie vodno-jenergeticheskij resursov Rossii v gody industrializacii* [Study of water and energy resources of Russia during the years of industrialization]. // *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2017, № 2(40). S. 52–59. (In Russian).
17. Makovskij A.V. *Problemy organizacii sovetskogo kontrolja japonskih rybolovnyh promyslov (konec 20-h — 30-e gg. XX veka)* [Problems of organizing Soviet control over Japanese fishing industries (late 20-h — 30-e gg. XX veka)]

- 20s — 30s of the 20th century)). // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. № 2 (52): v 2-h ch. Ch. I. С. 116–120. (In Russian).
18. Mar'jasova N.V. *Osnovnye napravlenija, principy i metody koncessionnoj raboty v uslovijah Dal'nego Vostoka Rossii v 20–30-e gody* [Main directions, principles and methods of concession work in the conditions of the Russian Far East in the 20–30s]. // *Dal'nij Vostok Rossii v kontekste mirovoj istorii: ot proshlogo k budushhemu: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vladivostok, 1997. S. 152–159. (In Russian).
19. Petrov A.M. *Vneshnetorgovye svjazi SSSR so stranami Azii (1918–1940 gg.)* [Foreign trade relations of the USSR with Asian countries (1918–1940)]. // *Narody Azii i Afriki*. 1977, № 5. S. 30–45. (In Russian).
20. Petrov I.I., Katuncev V.I. *Na tihookeanskih rubezhah*. [On the Pacific Frontiers]. Vladivostok: Dal'nevost. izd-vo, 1990. 607 s. (In Russian).
21. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)*. [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 82. Op. 2. D. 1383. (In Russian).
22. Savin A.S. *Japonskij militarizm v period Vtoroj mirovoj vojny*. [Japanese Militarism During World War II]. M.: Nauka, 1979. 239 s. (In Russian).
23. *SSSR — Japonija: problemy trgovo-jekonomicheskikh otnoshenij*. [USSR — Japan: problems of trade and economic relations]. / Otv. red. Ju.S. Stoljarov, Ja.A. Pevzner. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1984. 240 s. (In Russian).
24. *Stalin i Kaganovich: Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich: Correspondence. 1931–1936]. / Sost.: Hlevnjuk O.V., Djevis R.U., Kosheleva L.P. i dr. M.: ROSSPJeN, 2001. 797 s. (In Russian).
25. Sudzuki A. *Japono-rossijskie i japono-sovetskie otnoshenija v oblasti rybolovstva v period do Vtoroj mirovoj vojny* [Japanese-Russian and Japanese-Soviet Fisheries Relations before World War II]. // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1997. S. 159–165. (In Russian).
26. Filinov A.V. *Vzglyady predstavitelej partijnyh i gosudarstvennyh organov na problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya sovetskogo Dal'nego Vostoka v period man'chzhurskogo krizisa (sentjabr' 1931 — mart 1935 gg.)* [Views of representatives of party and government bodies on the problems of socio-economic development of the Soviet Far East during the Manchurian crisis (September 1931 — March 1935)] // *Stepanovskie chtenija. Antropologicheskii orientirovannaja istorija: novye i tradicionnye podhody: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* Krasnojarsk: Sib. feder. un-t, 2024. S. 507–512. (In Russian).